

Ю. И. Сафронов

Александр Лукич Ротач. Петербургский художник, архитектор, писатель

... Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы...
А. Пушкин

Среди художников, архитекторов, реставраторов, работавших в Санкт-Петербурге—Петрограде—Ленинграде, достойное место по праву занимал член Союза архитекторов СССР А. Л. Ротач.

Современник таких известных художников, как Остроумова-Лебедева, Бенуа, Кустодиев, Бакст, Лукомский, Добужинский и другие, Ротач был одним из активнейших участников созидания нового, не разрушавших при этом старого.

Александр Лукич, познавший долготеление (а прожил он почти 100 лет!), немало потрудился и отдал сил Петербургу—Ленинграду, ставшему для него второй родиной. Он был известен в Ленинграде в основном как архитектор-реставратор, благодаря деятельности которого были спасены от сноса и воссозданы многие шедевры мирового искусства. Тем, что сегодня жители Петербурга и приезжие любят Медным всадником, город обязан Ротачу. Именно он вовремя забил тревогу и сумел уговорить Луначарского остановить революционный пыл разрушителей.

Однако его творчество как художника по некоторым причинам оставалось малоизвестным, несмотря на неоднократно устраиваемые выставки его работ.

В 2003 году исполняется 110 лет со дня рождения Александра Лукича, и в этой связи грех было бы не воспользоваться страницами журнала, любезно предоставленными редакцией.

По счастью, есть в нашем городе еще семьи, умеющие с любовью относиться к памяти своих предков и готовые щедро поделиться со всеми, кто интересуется ис-

торией Петербурга. Многие его картины, к сожалению, утрачены... Хотя почему — к сожалению? Ведь сам Ротач после выставок всегда недосчитывался своих картин, но с присущим ему юмором отмечал: «Значит, хорошо рисую!» И тут же приводил в пример своего приятеля, у которого картины с выставки не крали, и тот весьма обижался...

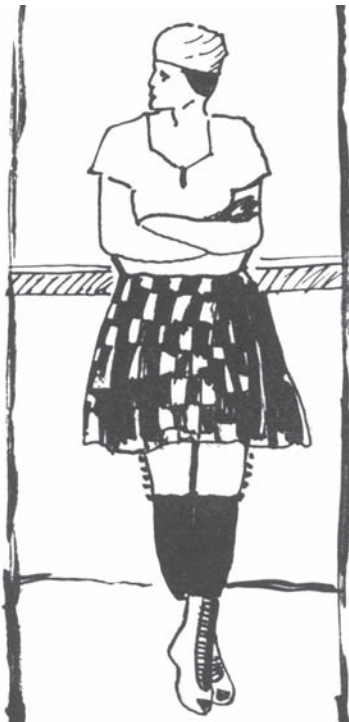
Хочется надеяться, что эти похищенные рисунки А. Ротача находятся в хороших руках и приносят радость их обладателям. Были в свое время и коммерческие предложения, так что значительная часть его работ украшает ныне особняки и квартиры современных любителей живописи.

Вниманию читателей предлагается небольшой очерк о творчестве А. Л. Ротача, прожившего жизнь долгую, интересную, насыщенную.

А. Л. Ротач родился в солнечной Ялте в 1893 году в семье портового грузчика. В детстве у него были проблемы с ногами, он до полутора лет не мог ходить, и врачи были бессильны чем-либо помочь. По счастью, в это время в Ялту прибыл знаменитый праведник отец Иоанн Кронштадтский, о котором народная молва из уст в уста передавала истории многочисленных исцелений болящих. Отец Иоанн внес мальчика в алтарь, благословил его, и тот через некоторое время пошел.

«Битва при Тучковом мосту 14 января 1912 года»

В детстве Александр очень любил рисовать, но отец хотел, чтобы Саша посвятил свою жизнь морю либо стал инженером. Зашедший к ним как-то раз начальник порта Делажерт увидел детские рисунки мальчика и посоветовал отцу не препятствовать увлечению сына. Постепенно тяга к рисованию возобладала над другими увлечениями, и Александр засобирался в дорогу.

Остановимся на петербургском периоде творчества художни-

ка, архитектора, реставратора А. Л. Ротача*.

Прибыв в 1912 году в Санкт-Петербург, Александр Лукич поступил в училище технического рисования имени барона Штиглица, известное к тому времени своими уже сложившимися традициями и знаменитыми собраниями всевозможных произведений искусства, на копировании которых молодые художники оттачивали свое мастерство. Возможно, поступлению способствовали предъявленные им рисунки по строительству царской резиденции в Ливадии, которая возводилась под руководством архитектора Краснова. Согласимся: не каждому выпала в жизни такая удача — с самого начала работать над таким ответственным проектом и под руководством такого опытного архитектора. Обладая прекрасной памятью, Ротач мог даже в преклонном возрасте запросто

набросать план расположения комнат царской резиденции. Это позволяло ему утверждать, что напрасно его не пригласили в качестве эксперта по определению, не является ли самозванкой Ксения, дочь последнего российского императора, чудом спасшаяся от расстрела в Екатеринбурге. Каким образом? «Я бы попросил ее

назвать расположение комнат во дворце...»

Период учебы в училище барона Штиглица отражен в замечательных рисунках, на которых изображены различные скульптуры, барельефы и предметы искусства, которые в годы безвременья были утрачены, растащены либо перемещены в другие музеи.

* Интересующиеся могут обратиться к книге: Полторак С. Н., Сафронов Ю. И. Александр Верховский. От камер-пажа до красного генерала. Исторический портрет на фоне современников (готовится к печати).

К начальному периоду его петербургского творчества относится рисунок-кариатура «Битва при Тучковом мосту 14 января 1912 г.». О Пеньковом (Тучковом) буяне на Малой Невке напомнил и знаменитый Г. К. Лукомский, поместив примерно в это же время два вида этого «буяна» в своей книге «Старый Петербург». Как видно, слово «буян» могло использоваться и по прямому назначению, что и зафиксировал Александр Лукич в своей карикатуре.

В те годы молодой художник много и активно занимался исто-

рией, без знания которой трудно, а подчас просто невозможно было заниматься любимым делом. Эти знания, полученные им до 1917 года, когда над творческими людьми еще не довлела политика, заметно помогли ему в будущем. Со временем Александр Лукич настолько сжился с Петроградом, что мог рассказать историю едва ли не любого мало-мальски примечательного здания города. Когда, будучи уже в весьма преклонном возрасте, он возил иностранные экскурсии по Ленинграду, то рассказывал им такие вещи, о которых иностранцы никак не ожидали услышать от советского человека... Долго еще изумленные и благодарные экскурсанты присылали ему в подарок книги по искусству и архитектуре.

Александр Лукич с высоты своих лет весьма скептически относился к входящим в моду писателям, таким как В. Пикуль. Прочитав его «На задворках российской империи», он вынес свой приговор: «Видно, что он не жил и не знает того времени, о котором пишет...».

В трудные годы Гражданской войны и разрухи рисовать приходилось на всем, что годилось по своим качествам для этих целей. Так, многие рисунки были выполнены в дореволюционном альбоме со счетами по расчетам с крестьянами, проживавшими вдоль Кексгольмского шоссе, которым полагалось получить от десятника дороги определенное количество денег за посадку зеленых насаждений. После революции началась Гражданская война, никто уже ничего не высаживал, денег не выплачивал, а бумага, оставшаяся от прошлых времен, была отменного качества, мелованная и вполне годилась для рисунков.

Александр Лукич сумел пройти также обучение в Академии художеств у многих известных мастеров. С одним из них произошел досадный инцидент: Александр Лукич по неосторожности опрокинул на светлые велюровые штаны Петрова-Водкина краску. Подробностями реакции художника он почему-то не любил делиться...

Пополнив художественное образование в Академии художеств, он, конечно, не мог прельститься

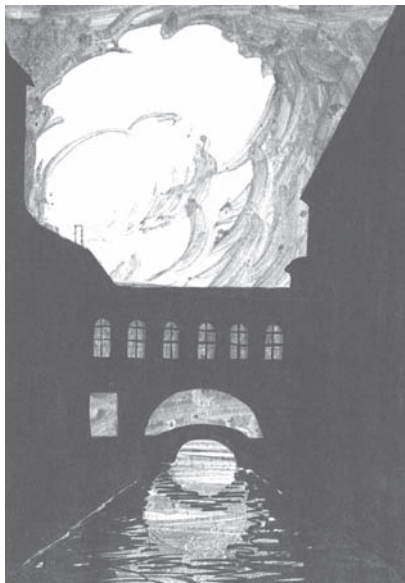
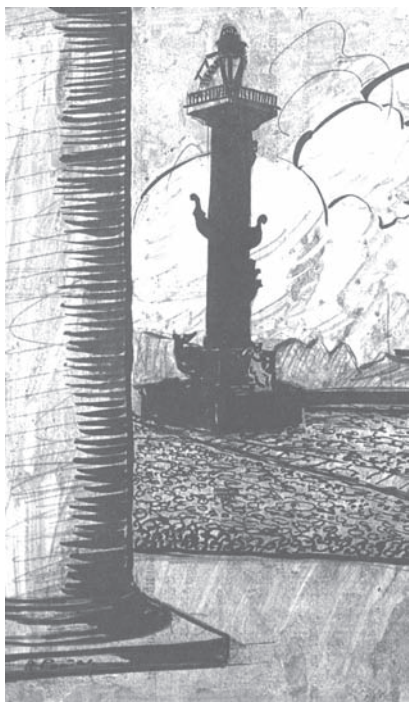
методом рисования крючками, квадратиками и кружочками, объявленными позже мировыми шедеврами. Поскольку он умел рисовать, то и занялся настоящим искусством, к чему лежала душа: рисовал здания, дворцы, памятники, загородные дачи и резиденции, дворцы. Ценность их состоит еще и в том, что многие рисунки пережили давно исчезнувшие в лихие годы сами образцы-памятники зодчества. Некоторые картины еще ждут своей атрибуции.

Сегодня могут показаться интересными также его зарисовки

современников — типы Петербурга периода нэпа, некоторые из них приложены к настоящему очерку.

Нэп открыл второе дыхание не только в промышленности, но и в искусстве одеваться. Снова возникло понятие моды. Откуда-то появились состоятельные люди, по словам поэта, «стала оперяться моя кооперация»...

Художнику Ротачу нравилось рисовать женские фигуры, и это удавалось ему довольно неплохо. В приведенной серии рисунков типажей Петрограда начала 20-х годов есть что-то, что заставляет подолгу всматриваться в изображение и задавать вопросы: кто это, как сложилась ее судьба, при каких обстоятельствах ее рисовал мастер? Или, может быть, это плод фантазии молодого художника? Известно, что художники — народ сложный; в отличие от простых смертных, их часто обуревают фантазии, переносимые авторами в творчество. Ротач не был исключением, он был влюблен по-настоящему лишь в свое творчество (тяжелая ноша!) и был, в сущности, очень одинок. Это одиночество выразилось позже в его строках: «...Я часто, отдавшись излюбленным думам, от праздной толпы уходил. Среди саркофагов и урн погребальных, среди обветшалых крестов, и мраморных женщин красиво печальных в ограде твоих цветников... Там ждал меня кто-то, как я одинокий, как я на чужих берегах...»

Немалый интерес представляют рисунки петроградских зданий, казалось бы, всем известных, но в изображении Ротача заставляющих задуматься. О чем? Вот Зимняя канавка с галереей-переходом над ней. Сразу вспоминаются герои бессмертного произведения Пушкина «Пиковая дама»... Через много лет А. Солженицын красочно опишет в «Марте семнадцатого», как через эту галерею уходила навсегда российская история: «правнук жившего здесь императора, внук убитого здесь императора — он бежал как за всех за них, унося с собою и их?» Великий князь Михаил был расстрелян большевиками в Перми в 1918 году, возможно, поэтому Александр Лукич, видевший в детстве в Крыму многих Романовых, изобразил красные облака и пробивающийся через окна кроваво-

красный закат. Закат Российской империи.

Особняк великого князя Михаила Александровича чем-то импонировал художнику, и Ротач несколько рисунков посвятил этой теме (1918).

В таком же стиле написан и Исаакиевский собор, уже без креста, вид на Ростральную колонну, ваза у входа в Летний сад...

Легко давались художнику проекты различных построек общественного назначения. Среди них — Зимний деревянный театр на станции Славянка Николаевской железной дороги (1921); ворота в городской парк (1915) — хоть сейчас запускай в производство...

Одним из любимых мест художника была Петропавловская крепость. Написанный им с большим мастерством с натуры в 1921 году павильон ботика Петра Великого, построенный Земцовым в 1732 году, еще раз подтверждает приверженность Александра Лукича к настоящему искусству.

Много работ написаны Ротачем в память погибших воинов, но эти проекты после революции 1917 года так и остались на бумаге.

Знание архитектуры невольно требовало глубокого изучения истории. Александр Лукич с удовольствием делился своими познаниями в этой области; всегда добавлял что-то интересное, виденное им самим в жизни, так что слушать его было чрезвычайно интересно. Он мог увлекательно рассказывать и

про ветхозаветные времена, и про эпоху готов, кельтов, Рюриковичей, Романовых... Недаром по многим вопросам у него консультировались известные художники и архитекторы. Часто на вопрос, кто может помочь, знающие люди отвечали: обратитесь к члену Союза архитекторов Александру Лукичу Ротачу.

Были в его творчестве (чего греха таить!) и другие темы. Петроградский уездный совдеп (1920), по его эскизам с натуры был возведен шалаш-памятник Ленину в Разливе (автор проекта Гегелло). Ему же, «первому прорабу», было поручено руководить строительными работами на этом объекте. Отсюда, от Ильича, как писали в завуалированной форме в 1980-х годах газеты, посвященные 85-летию Александра Лукича, пролегла для него «дорога на север»...

Система УСЛОНа все же не сломала его, и, освободившись, он снова занимался любимым делом.

Много работ было выполнено им в 1930-е годы в творческом сотрудничестве с Л. Н. Покровской, женой знаменитого академика архитектуры В. А. Покровского, с четой которых у Александра Лукича были очень близкие отношения. К сожалению, до сих пор не удалось найти ни одного изображения В. Покровского, этого знаменитого создателя храмов в России, в том числе Федоровского собора в Царском Селе.

Странно, но Александр Лукич не любил почему-то рисовать своих знаменитых родственников, а жаль. Так было бы интересно иметь портрет его шурина, последнего военного министра старой России Александра Ивановича Верховского. Ведь ни одна фотография не может передать чувства,

с которыми художник создает портрет, его видение героя.

Не прошел в своем творчестве Ротач и мимо истории Пажеского корпуса, в котором обучались оба его шурина, Верховский и Леонид Огранович. Сохранился написанный им портрет члена масонского Мальтийского ордена Иоанитов, в горностаевой мантии и с громадным остроконечным масонским крестом на груди*. Этот знак, как известно, впоследствии присваивался выпускникам корпуса и был как бы знаком качества офицера. Увидев на груди офицера этот знак, можно было сразу догадаться, что перед тобой находится не просто офицер, а офицер, принадлежащий к высшему обществу, из лучших фамилий России, известных лично императору.

Александр Лукич успел каким-то образом окончить в лихие годы Гражданской войны еще и Политехнический институт, известный в России и за ее пределами. Такое обилие знаний, помноженное на чрезвычайное трудолюбие, пригодилось молодому архитектору в дальнейшем.

Закон для реставратора: «ничего не улучшать и ничего не ухудшать» пришлось не раз применять на практике. Множество исторических памятников было воссоздано под руководством Ротача, из них любимое детище — Исаакиевский собор. Написанная им книга о выдающемся архитекторе первой половины XIX века Огюсте Монферране, авторе символов Петербурга — Исаакиевского собора и Александровской колонны, впечатляет обилием фактических материалов, прекрасными иллюстрациями и вполне может служить пособием для интересующихся историей Петербурга и реставраторов**.

Пушкин за чтением. О. Ротач. 1937 г.

Творческое долголетие Ротач поддерживал активными занятиями спортом — увлекался спортивной греблей и добивался неплохих результатов. Не без его влияния его сын Олег поступил в институт им. Лесгафта и даже пытался защитить диссертацию.

Постепенно в творчестве Ротача стала преобладать тема моря. Водная стихия привлекала его своей загадочной, необъяснимой притягательной силой, вечностью. На холодном Севере ему так хотелось вновь вернуться хотя бы на время в беззаботное, безмятежное, хотя и трудное детство. Когда выдавался случай, посещал родной Крым и рисовал, рисовал, рисовал...

Жаль, что талантом художника природа так щедро наградила его одного. Сын его Олег, правда, в юности пробовал рисовать, и даже получил в 1937 году (к 100-летию со дня гибели Пушкина) награду за свой рисунок «Пушкин за чтением». Но, видно, природа все сосредоточила на Ротаче-старшем.

Жизнь архитекторов, художников, скульпторов имеет одну особенность: их творения остаются людям. Хочется думать — надолго.

* Копия с картины художника Francesco Mazzola (1503–1540). Картина написана в 1530 г., подлинник хранится в Ганновере.

** Чеканова О. А., Ротач А. Л. Огюст Монферран. Л., 1990.